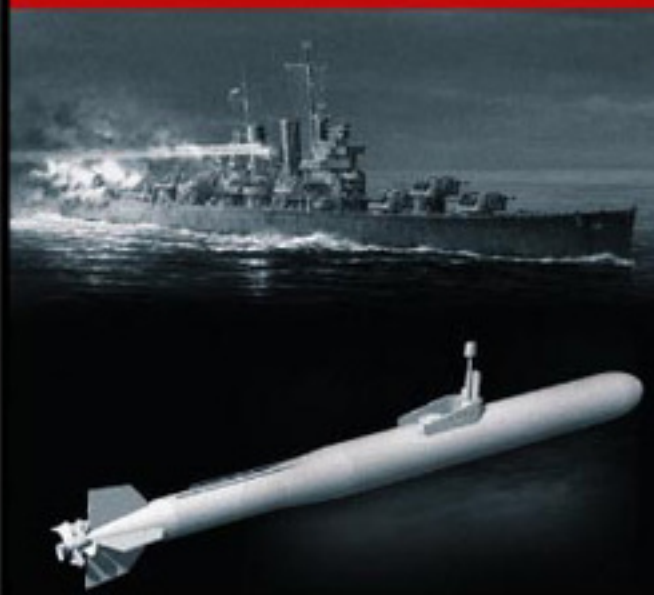

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Ютака Ёкота

СУБМАРИНЫ- САМОУБИЙЦЫ

**СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ
ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА ЯПОНИИ**

1944–1947

Ютака Ёкота

**Субмарины-самоубийцы.
Секретное оружие
Императорского флота
Японии. 1944-1947**

«Центрполиграф»

Ёкота Ю.

Субмарины-самоубийцы. Секретное оружие Императорского флота Японии. 1944-1947 / Ю. Ёкота — «Центрполиграф»,

В этой книге рассказывается о человекоуправляемых торпедах – подводных камикадзе. В августе 1944 года Ютака Ёкота вызвался отдать свою жизнь ради обороны Японии. Ему предстояло управлять торпедой «кайтэн» и, направив ее в борт корабля противника, погибнуть при взрыве. Ёкота, невероятным образом оставшийся в живых, рассказывает об истории создания, обучении управлению и боевом применении торпед «кайтэн».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ютака Ёкота

Субмарины-самоубийцы.

Секретное оружие Императорского флота Японии. 1944–1947 гг

Глава 1

Я ВЫЗЫВАЮСЬ ДОБРОВОЛЬЦЕМ НА ЗАДАНИЕ «БЕЗ ВОЗВРАТА»

– Личному составу построиться перед главным ангаром!

Я проклинал громкоговоритель. Он постоянно отдавал мне приказы делать то одно, то другое. Одна лишь мысль утешала меня все те месяцы, которые я находился на базе военной авиации Цутиура. Если я смогу больше других продвинуться в боевой подготовке и окончить курс, то скоро избавлюсь от этого проклятого громкоговорителя. Тогда я сменю твердую землю базы на палубу авианосца, и у меня будет свой собственный самолет. И вместо этого черного раструба у меня появится новый враг – американцы.

Выбежав из казармы, я занял свое место в строю. Строился весь личный состав Тринадцатых летных курсов, все две тысячи человек. Замерев по стойке «смирно», я лишь взглядом следил за тем, как командир базы, капитан 1-го ранга Кэндзиро Ватанабэ, поднимается на возвышение трибуны. Человек с суровым взглядом и строевой выправкой, он был для всех нас образцом того, каким должен быть каждый офицер императорского военно-морского флота.

При полном молчании всего строя капитан Ватанабэ сделал шаг вперед. Поначалу я думал, что это будет одна из обычных патриотических речей, которых мы немало наслушались от наших преподавателей и инструкторов. В том, что это отнюдь не так, меня убедило сосредоточенное выражение лица капитана Ватанабэ, а также несколько побелевшая кожа на его обычно загорелом лице. Он обвел взглядом строй курсантов в белой униформе, собравшихся на зов со всех концов авиабазы, и заговорил:

– С горьким чувством я должен сказать вам все это, но известия от наших сотоварищей – офицеров флота, находящихся на фронтах войны, – достаточно печальны. Превосходство в техническом оснащении и вооружении наших врагов над нами становится все очевиднее.

Августовское солнце, делавшее почти непереносимой летнюю жару на равнине Канто, обрушивалось на нас всей своей мощью. Я чувствовал, как по спине вдоль позвоночника текут струйки пота, но внимал каждому слову. Стояло лето 1944 года, и первые слова речи капитана 1-го ранга Ватанабэ отнюдь не были для нас неожиданностью. Мы уже знали о сокрушительном поражении нашего военно-морского флота у Марианских островов пару месяцев назад. Наши силы, оборонявшие Гуам и Сайпан,¹ были выбиты с этих островов, а в морском сражении мы потеряли наши авианосцы «Сёкаку», «Тайхо» и «Хиё» вместе с четырьмя сотнями самолетов, находившихся у них на борту. После этого наше обучение стало более интенсивным, и мы все надеялись завершить его намного раньше запланированной ранее даты.

– Несмотря на всю доблесть наших соотечественников в ходе этой войны, – продолжал капитан Ватанабэ, и голос его становился все печальнее, – мощь наших врагов постоянно воз-

¹ Сайпан – остров вулканического происхождения в Тихом океане, в числе Марианских островов.

растает. Сайпан уже у них в руках, и мы испытывает огромные трудности со снабжением наших сил в Рабауле.²

Мы не должны закрывать глаза на суровую правду происходящего. Страна терпит поражения, одно за другим. Мы не можем больше позволить себе каких-либо шагов назад и уж тем более отступления. Если мы будем и дальше отдавать наши территории, то что, по вашему мнению, будет ожидать нас в будущем? Поэтому мы рассчитываем, что люди, подобные вам, не будут более отдавать наши земли. Мы рассчитываем, что вы отбросите врага назад. На вас уповают каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок в Японии.

Капитан Ватанабэ сделал долгую паузу, как всегда делают японцы, когда хотят обратить особое внимание на то, что они собираются сказать дальше.

– В эти дни серьезного кризиса на поле боя, – продолжал он затем, – наши военно-морские специалисты разработали новое оружие. Ничего подобного ранее просто не существовало. Будучи пущено в ход, оно может буквально ошеломить врага и принести победу нашей любимой стране. Оно уже испытано, и мы совершенно уверены в его эффективности. Теперь мы нуждаемся в людях, которые будут управлять этим оружием.

В воздухе снова повисла долгая пауза, а затем капитан продолжил свою речь:

– Я понимаю, что все вы стремитесь летать. Вы долго и напряженно готовились для одной только цели – подняться в воздух и сразиться там с врагами Японии. Именно поэтому мне тяжело просить вас прекратить вашу летную подготовку и стать добровольцами, которым предстоит управлять этим новым оружием. Но я ни в коем случае не стал бы просить вас принести эту жертву, если бы не был убежден в чрезвычайной значимости этого оружия. Оно может изменить весь ход войны!

Несмотря на строгую дисциплину, привитую нам во время нашего пребывания на базе Цутиура, тишина на несколько мгновений сменилась легким шумом: возбужденные этим сообщением курсанты перешептывались между собой. Курсант, стоявший в строю рядом со мной, повернул голову и прошептал: «Что это такое, Ёкота?» И тут же мощный и четкий голос капитана Ватанабэ снова зазвучал над сразу же замолкшим строем:

– Если среди вас есть люди, которые горят желанием спасти свою страну, подняться на борт этого нового оружия и ринуться в бой против наступающих врагов, они могут изъявить свое добровольное согласие. В настоящее время я не могу рассказать об этом оружии ничего другого, кроме того, что оно мощнее любого самолета, на котором вам пришлось бы летать. А теперь внимательно выслушайте то, что я вам сейчас скажу. Ваши командиры эскадрилий раздадут каждому из вас по листку бумаги. Если вы хотите добровольно сражаться этим новым оружием, то сверху листка напишите вашу фамилию и номер эскадрильи, а ниже изобразите два круга. Повторяю, два круга, если вы в самом деле страстно желаете стать добровольцем. Если же вы не испытываете такого глубокого желания, но готовы принести себя в жертву ради вашей страны, поскольку она призывает вас, изобразите только один круг. Это чрезвычайно важно, поэтому я повторю еще раз: два круга, если вы горите желанием стать добровольцем, но только один круг, если вы всего лишь намерены исполнить свой долг. Тот, кто вообще не испытывает такого желания, но собирается продолжить летную подготовку, пусть просто порвет листок.

Новая волна шума, прошедшая по рядам выстроившихся на плацу, была подобна мягкому рокоту прибоя, набегающего на освещенный лунным светом берег. И снова твердый голос капитана Ватанабэ оторвал нас от наших дум.

– Должен сообщить вам еще одну вещь, – произнес он, – прежде чем будут розданы листки. Я должен сказать вам, что это оружие по своей природе таково, что тот, кто отправится

² Рабаул – главный город и морской порт на острове Новая Британия, в архипелаге Бисмарка, в настоящее время входит в состав Папуа – Новая Гвинея.

с ним в бой против неприятеля, не может вернуться живым. Он непременно нанесет большой урон нашему неприятелю, выполнив свое задание, но, сделав это, отдаст свою жизнь. Поэтому как следует все обдумайте. Вы должны быть абсолютно уверены, что хотите этого, прежде чем вызоветесь стать добровольцами. Подумайте также, не будете ли вы потом жалеть, что не сделали этого шага. Пусть ваш дух будет ничем не замутнен, и вы тогда сможете полностью сосредоточиться на том, что вам предстоит сделать.

Листки бумаги были розданы, и курсанты покинули строй, медленно разойдясь и занявшись тем же самым, что делали до сбора. Кто-то вернулся к построенным в линейку самолетам, другие направились в комнаты для занятий, где мы по двадцать часов в неделю изучали теоретические дисциплины. Я двинулся к казарме и, пока шел туда, прислушивался к обрывкам разговоров моих товарищей.

– Капитан, должно быть, китигаи!³ Он не иначе как сошел с ума, если думает – люди добровольно пойдут на что-то такое, что сулит им смерть.

– Но пошлют ли нас сразу на фронт?

– Какой случай прославиться! Как будут гордиться родители и друзья!

– А я уже порвал эту бумажку! У меня есть любимая, и я хочу жениться на ней после окончания войны.

– Сколько же кругов нарисовать, один или два? Не хочу, чтобы кто-то подумал, что во мне не живет дух Ямато.⁴ Я не меньше других люблю свою страну!

– А я уже решил – нарисую два круга! Подумай только, какое приключение! Да имена этих людей войдут в историю. Может быть, сам император пришлет личное извещение отцу и матери. Знаешь ли, такое уже бывало.

Все эти разговоры проходили мимо меня, никак не задевая. Я принял решение сразу, как только капитан Ватанабэ окончил обращенную к нам речь. Все время, пока он говорил, кровь горячо билась в висках. Его слова о поражениях Японии взбудоражили всю мою душу. Америка, Англия и Голландия пытались блокадой задушить мою страну и вынудили нас вступить в войну. Америке и Англии можно было расквартировать в Китае свои войска для защиты своих интересов, когда же о своих национальных делах позаботилась и Япония, она вдруг стала всеобщим врагом. Слова капитана Ватанабэ о возможной судьбе Японии придали мне смелость и решительность. Никто никогда не покорял мой народ, и я готов сделать все от меня зависящее, чтобы так было и впредь. Увидеть гибель моей страны и конец всей нашей культуры – никогда! И отнюдь не возможное личное извещение императора моей семье о моей смерти побудило меня принять решение.

Едва войдя в казарму, я тут же начертил на полученном листке бумаги два круга и отдал его командиру эскадрильи. Возможно, мне повезет, и я стану первым добровольцем в своей эскадрилье.

Весь оставшийся день и вечер наша казарма напоминала встревоженный улей. Все пытались рассуждать о новом оружии. Сходились на том, что оно и в самом деле должно быть чрезвычайно мощным, если держится в таком секрете. На Цутиуре, как и везде, где расквартированы военные, секреты так или иначе просачиваются наружу. Но не в этом случае. Мы абсолютно ничего не слышали про это оружие, пока не прозвучала команда к общему сбору. Возможно, говорили мы себе, тайна эта столь велика, что даже капитан Ватанабэ знает далеко не все.

Вечером в казарме не было обычной возни, никто не упражнялся в дзюдо, никто не подначивал своих сотоварищей. Даже всем приевшиеся говорюны, надоедавшие нам сказками о

³ Безумец (яп.).

⁴ Ямато – древнее название Японии. «Дух Ямато» – истинно японский дух.

будущих подвигах в воздухе, по такому случаю приутихли. Если они и заговаривали в тот вечер, то серьезно и негромко. А молчуны, тоже бывшие среди нас, вообще не раскрывали рта.

Я лежал в подвесной койке и глядел в потолок, почти не принимая участия в разговорах, которые продолжались еще долго после отбоя. Свой листок бумаги с двумя большими черными кругами на нем я уже сдал. Теперь я снова и снова думал о своем решении.

Всю свою жизнь я мечтал стать пилотом авиации императорского флота. Большой авианосец, стоявший в Токийском заливе, всегда был для меня самым прекрасным зрелищем. Подобно тысячам других японских мальчишек, я мечтал стать морским офицером, суровым и решительным, в ослепительно белой форме, с мечом – символом власти – на боку. Дважды я участвовал во вступительных экзаменах в военно-морское училище Этадзима. В первый раз я сдал письменный экзамен, но сплоховал на физической подготовке. Не желая отступать, на следующий год я снова подал заявление в это училище. Увы, оно было отклонено, просто потому, что при медосмотре у меня обнаружилось отсутствие нескольких зубов. Требования к поступающим в Этадзиму были очень строгими, и многие молодые люди, будучи в прекрасной форме, отвергались из-за каких-то мелочей. В моем случае такой мелочью оказалось отсутствие трех зубов. От очкариков заявления вообще не принимались, и им оставалось завидовать даже тем, кто был хотя бы допущен до экзаменов.

В 1943 году, едва мне исполнилось восемнадцать лет, я оставил все надежды поступить в Этадзиму и записался в курсанты авиационного училища. Меня направили на базу Цутиура, в часе езды на поезде к северо-востоку от Токио. И вот теперь, проучившись почти год, я в одно мгновение отбросил свою мечту стать профессиональным пилотом. Мечту о небе я добровольно променял на это таинственное новое оружие. Что же это за оружие? Смогу ли я овладеть им? И сделаю ли этим оружием для своей страны больше того, что я смог бы сделать за штурвалом самолета? Мысли эти крутились в моей голове, но все же дневная усталость взяла свое, и я погрузился в сон.

На следующее утро я вместе со своими товарищами со всех ног бросился к доске приказов, на которой был вывешен список принятых добровольцев. В этом списке было и мое имя. Увидев его, я ощутил всепоглощающую радость. Я буду сражаться новым оружием! Я встречусь с врагом лицом к лицу! Я ничуть не сомневался в этом. Застыв у доски приказов, я гордо принимал поздравления моих товарищей, которые хлопали меня по плечам и кричали: «Молодец, Ёкота!» Благодаря их за поздравления, я испытывал странное чувство. Описать его адекватно я никогда бы не смог. Похоже было на то, словно я перешел из одного тела в другое и теперь смотрю со стороны на свое прежнее тело. Возможно, именно так чувствует себя человек, когда узнает, что скоро его жизнь покинет его тело, с которым он прожил столько лет. Чувство это, однако, скоро прошло, сменившись нетерпением. Скоро ли мы увидим это новое оружие? Как долго мы будем учиться овладевать им? И когда я встречусь с врагом лицом к лицу? Ожидать этого чересчур долго я не хотел.

Из числа добровольцев было отобрано только сто человек. Столь малое число удивило меня, поскольку боевой дух курсантов базы Цутиура был так высок, что добровольно вызвалось, я уверен, не менее нескольких сотен. Около года нас усиленно готовили физически и морально к тому, что нам предстояло, воспитывая в нас стойкость духа. Комплексы физической подготовки были долгими и напряженными, и каждый из нас пребывал в наилучшей форме. Нам было не привыкать ходить по снегу одетыми в одну только фундоси, белую набедренную повязку, носимую в Японии в качестве нижнего белья. Мы натренировали свои мышцы в долгих кроссах по пересеченной местности и в шестимильных гребных регатах. В этой области подготовки я был одним из первых, поскольку еще в средней школе полюбил подобные занятия. Мое увлечение спортом и стоило мне трех зубов, что закрыло мне путь в Этадзиму.

И на каждом этапе подготовки наши инструкторы не уставали напоминать нам о нашем национальном долге. Требования к нам были чрезвычайно высоки, практически мы постоянно

пребывали на пределе физической и моральной выносливости. Свое влияние оказывали и плохие новости о неудачах нашего флота, просачивавшиеся на базу. Мы научились узнавать о них по тому, что голоса наших преподавателей и инструкторов становились еще более жесткими и напряженными. Все чаще и чаще они цедили слова сквозь стиснутые зубы:

– Только победить в войне еще не все! Вы должны наголову разгромить и стереть своих врагов с лица земли!

Мы воспитывались только в таком духе, особенно с тех пор, как лица офицеров базы день ото дня становились все угрюмее.

– Если будет необходимо, ты должен с готовностью пожертвовать жизнью ради империи!

– Когда есть выбор между жизнью и смертью, всегда лучше умереть!

– Нельзя понапрасну рисковать жизнью! Смерть должна быть целесообразной! Иди на смерть только тогда, когда ты можешь причинить ей урон врагу!

Подобные фразы, повторяемые офицерами и инструкторами несколько раз на дню, транслируемые через громкоговорители, написанные на плакатах, развешенных по стенам и доскам приказов, даже в умывальнях и туалетах, способствовали закаливанию нашего духа. И по десятку раз в неделю каждый из нас слышал слова Мэйдзи, деда нашего императора, повторяемые с неослабевающей страстью и силой: «Смерть не тяжелее пушинки, но долг не легче горы!»

Как мы позже узнали, старшие офицеры базы корпели над списком добровольцев всю ночь. В основу отбора были положены три критерия, содержащие ответы на следующие вопросы:

1. Обладает ли курсант исключительными физическими данными и сильной волей?
2. Высок ли его боевой дух и демонстрирует ли он высокую степень патриотизма?
3. Минимальны ли его семейные обязательства (если таковые вообще имеются)?

Семейные люди в число отобранных не попали, в список были включены лишь те, у кого не было родственников вообще или оставались только дальние. Уверен, что моя семейная ситуация сыграла важную роль в том, что я был отобран для миссии. Моя мать умерла, когда мне было пять лет, так что я мог не беспокоиться о ее судьбе. У моего отца был еще один сын и две дочери. Я же был младшим из четверых детей, что значит в Японии не очень-то много. Если я погибну, то мой старший брат Хироси продолжит наш род. Если что-нибудь случится с ним, то всегда возможен такой выход: мои сестры Тиё и Тоси смогут найти таких мужей, которые согласились бы стать приемными сыновьями моего отца. Принятый таким образом в семью жених получил бы фамилию Ёкота и продолжил бы семейный род. Я уверен, что офицеры, отбиравшие добровольцев, понимали, что потеря младшего сына в семье станет не слишком тяжелой жертвой ради императора, если у отца останется еще трое детей.

После оглашения имен отобранных добровольцев закипели страсти. И далеко не все мои друзья бросились меня поздравлять. Очень многие из них стали высказывать командиру эскадрильи свое недовольство, что не были включены в список. В последующие несколько недель, медленно тянувшихся вплоть до нашего отъезда, они снова и снова осаждали начальство просьбами. Я был горд и за своих друзей, и за наши курсы, слушатели которых требовали послать их на смерть за свою страну. Увы, их просьбы так и не были удовлетворены. В список были включены только сто человек, как и было предписано высшим командованием. Ни одного человека добавлено в него не было.

В день выпуска, когда остальные курсанты были сочтены подготовленными для зачисления в авиацию военно-морского флота, наша группа из ста человек в колонне по двое, под командованием лейтенанта Комацу, прошла мимо шеренги выпускников. Наш проход сопровождали громкие приветственные крики всех остальных. Даже те, с кем мы враждовали, а порой и дрались, не скрывали своей радости и гордости за нас. Мы погрузились в поезд, идущий к югу мимо Токио, не имея представления о том, куда направляемся. В такой же обстановке

новке секретности и полного неведения мы миновали Йокогаму и, сообразив, что поезд не сворачивает на полуостров Миура, где находилась большая военно-морская база в Йокосуке, принялись гадать о возможном конце нашего маршрута. К тому времени, когда мы достигли расположенного у залива Сагами курортного городка Атами, а справа от нас маячил величественный конус священной горы Фудзи, мы пришли к выводу, что нас везут либо в Куре, громадный военно-морской арсенал на берегу Внутреннего моря, либо на большую базу в Сасебо, на самом крупном острове Кюсю.

На поезде мы ехали и весь следующий день, не переставая делать предположения о том, какое секретное оружие нам предстоит осваивать. Уже в темноте мы сошли с поезда и пересели на грузовики военно-морского флота. Проехав еще немного, остановились у входа в казарму. Несколькими минутами спустя мы уже устраивались в подвесных койках и сразу же уснули – так нас утомило путешествие и внутреннее напряжение. На следующий день выяснилось, что мы и в самом деле находимся в военно-морском арсенале в Куре, месте расположения штаба 6-го флота, то есть всего подводного флота Японии.

Этот день мы провели как туристы, бродя по территории базы и глаза по сторонам. На следующий день около полудня лейтенант Комацу собрал нас вокруг себя.

– Я хочу поблагодарить вас всех, – сказал он, – за вашу дисциплинированность по пути сюда. Сегодня я возвращаюсь на Цутиуру и хочу попрощаться с вами. Мне никто не говорил здесь, каким оружием вы будете сражаться с врагом, но я знаю, что вы будете служить Японии отважно и благородно.

Сюда сегодня прибывают еще сто человек с военно-морской базы Нара, так что покажите им образец достойной службы в благодарность тем, кто готовил вас на Цутиуре. Вашим командиром будет человек, которого я хорошо знаю. Он многого ожидает от вас, поскольку я уже сказал ему, что привел сюда лучших из лучших воспитанников Цутиуры.

Он произнес эти слова очень негромко, едва ли не шепотом. Когда он закончил говорить, на глазах у него навернулись слезы, а многие из нас откровенно плакали. Лейтенант Комацу был для нас последним звеном связи с Цутиурой, где лучшие в мире пилоты спали в казармах, уже покинутых нами.

Во второй половине дня нам было приказано перенести наши вещи на борт двух катеров. Что касается меня, то я впервые в жизни оказался на борту военного корабля, если не считать гребных шлюпок, на которых мы участвовали в регатах на Цутиуре. Молодой офицер, младший лейтенант Миякэ, принял нас под свое командование, но не сообщил нам ничего, кроме того, что мы будем в пути больше часа. Плотная завеса секретности, которая окутала нас после речи капитана Ватанабэ, по-прежнему висела в воздухе.

Наконец младший лейтенант Миякэ встал и обратился к тем, кто вместе со мной находился на борту катера.

– Внимание! – громко произнес он, хотя катер был невелик и мы все его хорошо слышали. – Мы направляемся на остров Оцудзима, неподалеку от города Токуямы.

Город этот, как представляло себе большинство из нас, находился в префектуре Ямагути.

– Я был на Оцудземе только один раз! – продолжал младший лейтенант все тем же громким и резким голосом. – На острове расположена особая база секретного оружия! Там уже несколько недель проходят подготовку офицеры военно-морских сил! Скоро мы примкнем к ним, и они будут нас обучать! Мы с вами вскоре станем членами этой особой штурмовой группы! Это значит, что начиная с этой минуты мы все становимся братьями!

Младший лейтенант, решил я про себя, еще совсем недавно закончил учебу в Этадземе, потому что он вел себя подобно всем недавно произведенным офицерам, которых мне приходилось видеть за год моей службы. Всем им казалось, что они находятся на сцене гигантской аудитории в Токио, и потому все они не говорили, а кричали так громко.

– Вы поняли? – снова едва не крикнул он.

– Так точно, сэр! – крикнули в ответ несколько шутников даже, пожалуй, громче, чем он задал вопрос.

Больше разговоров за время поездки почти не было. Мое сознание снова вернулось к мыслям о том, что я должен буду отдать свою жизнь за родину. Но сожалений не было. Какая бы судьба меня ни ожидала, моя семья могла бы гордиться, получив извещение о моей смерти в бою, поскольку вся японская история, музыка и литература полны легендами о героях, павших в бою за свою страну и правящую династию. Каждый школьник знает эти имена наизусть, как каждый американский школьник помнит имена героев Дальнего Запада. Самураи, спокойные и вежливые герои, бесконечно отважные, значили для нас то же, что ковбои для американского юношества.

У меня не было особенных причин грустить о расставании с Цутиурой. Хотя я был на хорошем счету как пилот-курсант, атмосфера на наших курсах всегда была напряженной. Несмотря на то что Япония чрезвычайно нуждалась в пилотах для замены погибших на фронтах, не допускалось никакого снижения уровня летной подготовки. Выпускники курсов соответствовали самым высоким стандартам мастерства. Летчики-инструкторы и преподаватели курсов оставались столь же требовательными, как и в мирное время, когда лишь незначительный процент от первоначально поступивших на курсы успешно заканчивал летную школу. И в процессе подготовки было вполне достаточно одного неосторожного слова или даже жеста, чтобы инструктор рекомендовал руководству незамедлительно отчислить курсанта. Большинство из нас считали такую нагрузку и постоянное напряжение труднопереносимыми, так что я отнюдь не грустил, покидая Цутиуру, хотя и расставался с хорошими друзьями.

После нескольких часов плавания мы подошли к Оцудзуме, и первое впечатление от нее оказалось далеко не благоприятным. На акватории защищенного волноломом порта виднелись две очень старые подводные лодки, а при приближении к пирсу мы разглядели на берегу два больших черных здания, весьма напоминающие самолетные ангары. Наши катера ошвартовались у пирса, мы сошли на берег и только успели построиться в две шеренги, как из одного из этих зданий вышел офицер и направился к нам.

– Вы прибыли с Цутиуры? – спросил он, подойдя к нам поближе.

Мы все еще находились под впечатлением слов, сказанных лейтенантом Комацу и младшим лейтенантом Миякэ.

– Так точно! – гаркнули мы все одновременно.

– Вот это энтузиазм! – улыбнулся офицер и продолжал: – Я ваш новый командир, капитан 3-го ранга Итакура. Начиная с этой минуты вы поступаете под мое командование. Как мне известно, вы были отобраны из более чем тысячи добровольцев с Цутиуры. Это хорошо. Надеюсь, вы продемонстрируете свою преданность вашей новой службе.

После этого он сказал несколько слов энсин Миякэ и возвратился в здание.

Про себя я отметил, насколько одинаково говорят все офицеры флота. Каждый из них, начиная с капитана 1-го ранга Ватанабэ, почти одними и теми же словами заканчивал свои речи, обращенные к нам. «Трудитесь, не щадя своих сил!» или «Покажите все, на что вы способны!» – этими или подобными словами всегда заканчивались их речи.

И снова, пока он говорил все это, в нас стало нарастать уже знакомое нам напряжение, поскольку он все же очень отличался от офицеров Цутиуры. Те были инструкторами и преподавателями. Теперь, на Оцудзуме, мы встретились с боевыми офицерами. И мы сами становились теперь бойцами. Мы замечали определенное различие между офицерами-преподавателями и боевыми офицерами уже в первые минуты нашего пребывания на Оцудзуме, хотя бы по той сосредоточенности и в то же время быстроте, с которыми сновали вокруг ее обитатели. Даже по тем взглядам, которые они бросали на нас, мы понимали, что они считают нас ровней себе. На Цутиуре мы за глаза называли командира эскадрильи «оядзи» – «папаша». Старший офицер был для нас «офкуро» – «мамаша». Главный корабельный старшина, командовавший

в казарме, был «ани», наш старший брат. При всей строгости дисциплины они относились к нам, как могут относиться очень строгие родители, немедленно наказывая за нерадивость или неповиновение. В то же время они очень внимательно относились ко всем нашим личным нуждам, особенно когда мы заболели или получали травму. Не было ничего необычного в том, что командир эскадрильи ночь напролет сидел у постели одного из своих людей в лазарете. Как не было ничего необычного в том, что тот же старшина отпускал хорошую оплеуху тому же самому курсанту, отмочившему какой-нибудь номер. Капитан 3-го ранга Итакура, по контрасту с ними, похоже, был несколько более отстраненным от нас; и лишь какое-то время спустя мы поняли, что он относился к нам не как к младшим братьям, но как к людям, вместе с которыми ему предстоит сражаться плечом к плечу.

Все так же двумя колоннами мы прошли от пирса метров пятьдесят и остановились у входа во второе из этих двух зданий. На двери в него большими иероглифами было написано: «Вход только по особому разрешению министра военно-морского флота».

В здании находилось новое оружие! Я был совершенно в этом уверен. Младший лейтенант Миякэ первым вошел в здание, но потом, заметив, что ни один из нас не тронулся с места, обернулся и произнес:

– В чем дело? Следуйте за мной по одному!

И снова никто из нас не двинулся за ним – все глаза были устремлены на грозную надпись. Проследив наши взгляды, Миякэ расхохотался и впервые с тех пор, как мы встретились с ним, заговорил нормальным тоном.

– Не беспокойтесь об этом, – сказал он. – Если бы у вас уже не было такого разрешения, то вас бы и близко к острову не подпустили.

По одному человеку мы прошли через узкую дверь. Первое, что я увидел, оказавшись внутри здания, был длинный, лоснящийся смазкой сигарообразный предмет, покоившийся на двух больших опорах. Я сразу же понял, что это такое, по перископу в носовой части – торпеда, которая будет нести человека. Так вот что было этим секретнейшим новым оружием! Я, Ютака Ёкота, добровольно вызвался стать человекоуправляемой торпедой!

Глава 2

Я ЗНАКОМЛЮСЬ СО СВОИМ НОВЫМ ОРУЖИЕМ

На всем внутреннем пространстве здания я мог видеть множество людей, работающих спокойно, но в напряженном темпе. Повсюду сновали группы механиков в промасленных спецовках; я же был поражен видом молодых офицеров, глаза которых загорались внутренним светом, когда они прикасались к той или другой из этих гигантских торпед. Большинство офицеров носили бороды. Мало кто из японцев, кроме айнов с Хоккайдо, нашего самого северного острова, могут отпускать по-настоящему красивую растительность у себя на лице. Обычно такая растительность лишь у пожилых людей. Поначалу я подумал, что эти бороды, весьма жидкие и клочковатые, есть знак принадлежности к определенному братству. Что они вроде символа, связующего этих людей. Но тут же я вспомнил, что они, вероятнее всего, подводники, коль скоро секретное оружие представляет собой торпеды. Скорее всего, они отпустили их, поскольку браться на подводной лодке в море довольно трудно.

Когда вся наша сотня оказалась внутри здания, капитан 3-го ранга Итакура позвал нас к себе.

– Собраться вокруг меня! – приказал он, указав рукой на одну из ближайших торпед. – Вы, ребята, очень скоро познакомитесь с этой штукой. Освойте ее и будете знать до мелочей. А потом выйдете на ней в море и нанесете удар по врагу. – Наш новый командир помолчал, а затем продолжил: – Это новое оружие называется «кайтэн», – сообщил нам он, – но в целях секретности его всегда именуют «мару року канамоно» – «металлический фитинг диаметра шесть». Таким образом, когда такое наименование встречается в переписке, донесениях или технических документах, никто, кроме немногих членов Верховного командования и штаба подводного флота, не сможет понять, о чем идет речь. Посторонний человек решит, что имеются в виду какие-нибудь запасные части или корабельное оборудование. Он не будет ничего знать о том, чем мы здесь занимаемся, и сведения о нашей работе здесь не станут достоянием врага. Как вы, безусловно, уже поняли, это человекоуправляемая торпеда, способная нести одного человека. Она имеет скорость большую, чем любой корабль, поэтому ни один корабль не может уйти от нее. – Итакура пристальным взглядом обвел наши лица. – Вы все прибыли сюда добровольно, – сказал он, – так что вы должны были рассчитывать на нечто в этом роде. И все же вы все проходили летную подготовку и можете сейчас испытывать разочарование, поскольку это оружие никак не связано с авиацией. Я вполне могу понять это, так что если кто-либо из вас изменит свое решение, то пусть обратится ко мне до конца дня. Я приму меры к тому, чтобы вам позволили продолжить летную подготовку и не задавали никаких вопросов.

Некоторые из моих товарищей переглянулись. Никто не проронил ни слова, но я мог читать их мысли, как свои собственные. Неужели этот офицер и в самом деле думает, что мы проделали весь этот путь сюда из Цутиуры только для того, чтобы поглазеть на торпеду? Да мы же вызвались отдать жизнь за родину! То, как это произойдет, вряд ли имеет значение, если, как нас заверил капитан Ватанабэ, мы сможем поразить врага. Что же касается меня, то уже по прибытии на базу Куре я понял – это новое военное изобретение так или иначе будет оружием, связанным с водой, и по-прежнему был тверд в своем решении.

– И еще одно, – продолжал капитан 3-го ранга Итакура. – Я хочу, чтобы вы знали следующее. Хотя я и являюсь вашим командиром, я также один из водителей торпед «кайтэн». Как и вы, я тоже однажды брошусь на врага в одной из них. Возможно, вместе с кем-нибудь из вас нам будет поручено выполнение одного и того же задания.

Тон его голоса стал необычайно серьезным.

– Несколько дней тому назад, – произнес он, – человек по имени Хироси Куроки, один из изобретателей этого оружия, погиб при несчастном случае во время освоения торпеды. Подняв «кайтэн», мы нашли там его духовное завещание. Это впечатляющий документ, источник надежды и уверенности в победе для всех вас. Я уверен, что вы будете упорно готовиться и достойно выполните свой долг, доказав тем самым, что Куроки погиб не напрасно.

И снова это! Типично офицерское завершение речи. Но на этот раз слова эти прозвучали куда веселее, чем когда-либо. Голос моего командира был ровен и спокоен. Никакого крика, разжигающего огонь в крови. Голос этот вселял в вас уверенность, не стараясь воодушевить вас. В конце концов, когда перед вами стоят люди, готовые отдать свою жизнь, выполняя ваш приказ, нет никакой необходимости побуждать их сделать все возможное для этого. Капитан 3-го ранга Итакура просто просил нас приложить все усилия для овладения техникой обращения с этим новым оружием, чтобы, когда придет время, мы смогли применить его мастерски. В таком случае враги будут обречены принять смерть в тот же миг, когда и мы сами расстанемся с жизнью.

Капитан 3-го ранга Итакура замолк, обводя взглядом наши лица. Он пытался прочитать в них, стала ли решимость человека менее определенной, когда он узнал, что представляет собой это новое оружие. Я взглянул на стоявших вокруг меня товарищей и подумал, что они выглядят столь же спокойными, как и всегда. Я был уверен, что и мое собственное лицо осталось таким же спокойным, потому что взгляд командира лишь мельком скользнул по нему. То, что он увидел, должно быть, удовлетворило его, потому что он улыбнулся и сказал:

– Что ж, пока это все. Я только хочу еще представить вам командира вашей группы.

Вперед выступил невысокий, но даже на вид очень сильный офицер.

– Я младший лейтенант Тёса, – сказал он. – В период вашей подготовки я буду ответственным за группу с Цутиуры.

Человек этот произвел на меня сильное впечатление. Не отличаясь высоким ростом, он был широк в плечах и выглядел как борец сумо. Мощные мышцы различались даже сквозь форменную одежду. Обратившись к нам, он тоже не стал напрягать свой голос. Самый его вид требовал напряженного внимания. Он производил впечатление скалы, и я почувствовал – всем остальным из нашей группы, как и мне, понравилось, что именно такой человек и будет нашим командиром. Ничто не вселяет в военного человека большую уверенность, как командир, который каждой своей чертой излучает право требовать себе подчинения. Я сразу понял, что каждую его команду я буду выполнять мгновенно и буду все время стараться действовать так, чтобы он был мной доволен. Он был таким командиром, каким я хотел бы стать, если мне было суждено стать офицером.

Но этому стать наверняка не суждено. Моя жизнь должна закончиться достаточно скоро. И если мне суждено стать офицером, то только посредством двойной системы присвоения званий, существовавшей в императорском военно-морском флоте. Система эта применялась посмертно к морякам, совершившим выдающиеся подвиги во имя своей страны, например к экипажам подводных лодок-малюток, погибшим три с половиной года тому назад в Пёрл-Харборе. Ни один моряк японского военно-морского флота не получил медалей при жизни. Такова была традиция. Кое-кто протестовал против нее, а одно время такие протесты были весьма активными, поскольку Верховное командование флота отказалось ввести специальные награды для экипажей самолетов, сражавшихся в Ост-Индии, Малайе, над Филиппинами, Новой Гвинеей и Соломоновыми островами. Обоснование было достаточно простое: такое раньше никогда не применялось в отношении живых людей, поэтому не будет практиковаться и впредь. За весь период войны на Тихом океане ни один японский матрос или офицер флота не получил награды за свою доблесть. Считалось, что все военнослужащие флота, от рядового матроса до адмирала, сражаются и, если это необходимо, погибают за свою страну, потому что это их долг. Они сражаются, чтобы защитить свою страну или разгромить неприятеля, но отнюдь

не ради медали либо славы. Считалось, что честь сражаться и умирать сама по себе является наградой. Возможно, это было одним из тех моментов, благодаря которым людям Запада так трудно понять нас, японцев. Я же считал, что добровольное согласие на выполнение долга летчика-камикадзе или пилота «кайтэна» – совсем другое дело. Однако командование приняло решение согласно старинной японской традиции.

Так начался мой первый день на Оцудзуме, одной из самых секретных японских баз во время войны. Ее называли не иначе как «База П», и, поскольку громадную торпеду именовали «металлический фитинг диаметра шесть», лишь горстка моих соотечественников знала, где мы находимся и чем занимаемся. Моя переписка шла через полевую почту военно-морского флота базы Куре, как и переписка летчиков военно-морской авиации и экипажей боевых кораблей. Для всех моих адресатов я по-прежнему занимался в летной школе, лишь в каком-то другом месте, а не на Цутиуре. Я никогда не разубеждал их в обратном.

Весь остаток первого дня мы были предоставлены сами себе: бродили по всей базе и занимались кто чем хотел, лишь бы не мешать персоналу базы. Я с удивлением увидел, что в наших новых жилищах имеются татами – циновки, используемые и в наше время практически в каждом японском доме. Но не было, однако, футонов, служащих матрасами и одеялами, которые каждое утро сворачиваются в рулоны и хранятся отдельно в шкафах. Все время обучения в летной школе я спал в подвесной койке и поэтому улыбнулся, увидев татами. Нелегко будет привыкать снова спать на полу.

Уже в первый день нам рассказали, как появилось на свет это оружие – «кайтэн». В буквальном переводе это слово означает «воля небес», но его значение гораздо более емкое. «Кайтэн» для японца звучит как нечто, вносящее кардинальные перемены в ход вещей, осуществляющее радикальное изменение состояния дел. Это название было дано оружию его создателями, поэтому следует посвятить несколько слов объяснениям.

В период сражения у атолла Мидуэй⁵ в июне 1942 года младший лейтенант Сэкио Нисина и лейтенант Хироси Куроки командовали подводными лодками-малютками. Вся Япония знала, благодаря многократно опубликованным в печати спискам посмертно награжденных подводников, погибших во время нападения на Пёрл-Харбор, что эти субмарины сыграли весьма значительную роль в день начала войны. С тех пор они рассматривались командованием как очень ценное оружие. Адмирал Исороку Ямамото,⁶ командующий Соединенным флотом, имел в составе своих сил большое количество малых подводных лодок, когда он выступил к атоллу Мидуэй с армадой из более чем двухсот кораблей. Они были погружены на транспорты для гидросамолетов «Чийода» и «Ниссин». После захвата атолла Мидуэй малые подводные лодки были сняты с транспортов-носителей и базировались сначала неподалеку от Мидуэя, а потом рядом с Куре. (Это небольшой остров, название которого по-английски пишется так же, как и нашей большой военно-морской базы на Внутреннем море Японии, но произносится по-другому.) «Чийода» и «Ниссин» не принимали участия в сражении у Мидуэя, так как находились довольно далеко от того места, где разыгрывалось сражение, и держались в составе основ-

⁵ Мидуэй – коралловый атолл в Тихом океане, в северо-западной группе Гавайских островов. Во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. в районе Мидуэя 4–6 июня 1942 г. произошло сражение между японским ударным соединением (11 линкоров, 6 авианосцев с 293 самолетами, 16 крейсеров, 53 эсминца и др.), пытавшимся захватить оперативную базу США, и американским флотом (3 авианосца с 243 самолетами, 8 крейсеров, 14 эсминцев). В боях с американской авианосной авиацией японцы потеряли 4 авианосца, 1 крейсер и 253 самолета и были вынуждены отступить. В результате японский флот утратил свое превосходство в авианосцах. Американцы потеряли 1 авианосец, 1 эсминец и 150 самолетов.

⁶ Ямамото Исороку (1884–1943) – японский адмирал. Окончил Морскую академию (1904) и Военно-морской штабной колледж (1916). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В 1936–1939 гг. заместитель морского министра. С 1939 г. командовал Соединенным флотом. Выступал за экспансию в Юго-Восточную Азию и на Тихом океане, был одним из вдохновителей и организаторов развязывания Второй мировой войны на Тихом океане. В 1941–1943 гг. руководил морскими операциями начиная с нападения на Пёрл-Харбор. Во время сражения на Соломоновых островах самолет Ямамото, летевший на о. Бугенвиль, был сбит американской авиацией, которая получила информацию о его вылете.

ных сил эскадры Ямамото, в которую входил и суперлинкор «Ямато», крупнейший из когда-либо построенных военных кораблей.

Все знают, конечно, что в сражении за Мидуэй Япония потеряла четыре чрезвычайно ценных для нее авианосца. Это были корабли «Сорю», «Хирю», «Кага» и «Акаги», при этом два последних представляли собой переоборудованные в конце двадцатых годов крейсера, каковыми были и американские корабли «Лексингтон» и «Саратога». Говоря о сражении при Мидуэе, мы видим, что малые подводные лодки были фактически частью оборонительных сил флота, поскольку около двух дюжин из них держались в состоянии постоянной боевой готовности. Они были предназначены для атаки на любой вражеский корабль, который подошел бы для обстрела эскадры из артиллерийских орудий с целью противодействия вторжению.

После потери четырех авианосцев о планах захвата Мидуэя можно было забыть. Наше высшее командование военно-морского флота пребывало в подавленном состоянии и предприняло попытку утаить эти известия от народа Японии. По возвращении в Японию сил, действовавших у Мидуэя, на берег разрешили сойти только немногим высшим офицерам. Остальные члены команд, включая даже нескольких адмиралов, были изолированы на борту своих кораблей в течение примерно двух месяцев. За это время известия о ужасающем поражении все же распространились по всей стране благодаря «сарафанному радио». И все же наше правительство еще довольно долго тянуло время и дало разрешение на обнародование событий только после того, как об этом объявили по радио из США.

Потеря этих четырех авианосцев стала особой проблемой для Куроки и Нисины, потому что они были людьми высокого интеллекта и силы духа. Хотя они сами были выходцами из подводного флота, они знали, что императорский военно-морской флот считает своим ударным отрядом военно-морскую авиацию. Все стратегическое планирование исходило из принципа, что пилоты нашей военно-морской авиации, лучшие асы мира, способные выполнять задания днем и в самые темные ночи, в любую погоду, будут царить в воздухе над районом любого морского сражения или амфибийной операции. Такая тактика приносила успех в начальный период боевых действий императорского военно-морского флота. Но ныне, с потерей этих четырех авианосцев, инициатива была упущена. Американская судостроительная промышленность вскоре должна была изменить баланс сил в пользу наших врагов, если потеря этих авианосцев не будет каким-либо образом компенсирована.

Нисине и Куроки было известно, что выбранное ими оружие – малые подводные лодки – имеет много особенностей, ограничивающих возможности его применения. Их электродвигатели работали на аккумуляторном питании, что определяло предел их скорости хода. По сути дела, они представляли собой миниатюрные подводные лодки, каждая из которых несла только две торпеды. Будучи обнаружены и атакованы, они становились весьма уязвимыми, поскольку не имели возможности ни уйти на глубину, подобно обычным субмаринам, ни маневрировать с необходимой скоростью, уклоняясь от глубинных бомб. Не были они способны также уйти от врага в случае погони, как и не могли догнать и преследовать его. Их можно было применять только в прибрежных районах Японии или во вражеской акватории, причем обычной субмарине – носителю этих малых подводных лодок – требовалось чертовски много времени для того, чтобы всплыть, пересадить экипаж малой подводной лодки в нее и доставить ее как можно ближе к выбранной цели. Вместо этих малых лодок было необходимо какое-то другое оружие, более скоростное, более простое в применении, более мощное и обладающее куда большими шансами нанести реальный урон противнику. Требовалось потопить много вражеских авианосцев и транспортов, чтобы изменить соотношение сил в пользу императорского флота Японии.

Два молодых офицера долго размышляли над этой проблемой и в результате смогли сформировать базовую идею. Человекоторпеда! Вот в чем решение! Такое оружие может быть спущено с палубы большой субмарины куда проще, чем сверхмалая подводная лодка с экипа-

жем из двух или трех человек. Большая субмарина-носитель может транспортировать до шести подобных торпед, водители которых могут занять в них места прямо из корпуса большой субмарины. Она сможет незамеченной подкрасться к якорным стоянкам вражеских кораблей и выпустить свои торпеды с водителями в гущу неприятельских кораблей. При определенной сноровке и удаче в результате подобных атак, повторяемых снова и снова, возможно будет пустить ко дну достаточное количество авианосцев и линкоров и восстановить баланс боевых кораблей на просторах Тихого океана.

Главными требованиями к такому оружию становились точность – это могло быть обеспечено человеком-водителем торпеды – и высокая скорость. Противник, даже заметив каким-либо образом подобную торпеду, должен был не иметь никакой возможности уклониться от нее или уйти на скорости. Найти добровольцев для управления этим оружием не составило бы проблемы – ее создатели знали, что сила духа нации достаточно высока. Разве хоть один человек в стране не преклонялся перед знаменитыми «живыми бомбами», пехотными смертниками с шестовыми минами, шедшими в наступление впереди атакующих частей и жертвовавшими собой, проделывая взрывами проходы во вражеских полевых укреплениях, когда армия воевала в Китае? Разве не благодаря их действиям японской армии удалось одержать победу над врагом, укрывшимся в густой сети траншей, колючей проволоки и ходов сообщения? Безусловно, военно-морскому флоту удастся сделать то, что удалось куда менее популярной армии! Сформулировав для себя основную идею нового оружия, Нисина и Куроки стали изучать технические средства и возможности ее реализации.

К счастью для них, японский военно-морской флот в тот период имел на вооружении самую большую, самую скоростную и самую мощную в мире торпеду. Ни одна страна не создала ничего подобного этому «чистильщику» морей – модели 93 с двигателем на чистом кислороде. Эта торпеда, ставшая грозой для американского военно-морского флота в период сражения за Соломоновы острова, была исключительно японской разработкой. Мои соотечественники, по общему мнению «подражатели» и «копировщики», создали ее тогда, когда ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, считавшиеся куда более технически передовыми, не смогли разработать ничего сколько-нибудь сравнимого с ней. История ее создания заслуживает отдельного повествования.

В 1922 году, когда Вашингтонское соглашение об ограничении морских вооружений было подписано Великобританией, Соединенными Штатами, Японией, Францией и Италией, наши разработчики стратегических планов военно-морского флота оказались в затруднительном положении. Наши дипломаты согласились на то, чтобы общий тоннаж военно-морского флота не превышал 60 процентов от тоннажа Великобритании или Соединенных Штатов. Наши флотоводцы, естественно, считали, что подобное ограничение, дававшее в случае войны двум нашим главным соперникам преимущество три к одному не в пользу Японии, совершенно недостаточно для обороны нашего отечества. Однако озабоченность этих людей отнюдь не разделялась общественностью. Планета наслаждалась миром, а Япония была вознаграждена мандатом на управление островами Тихого океана. Это обстоятельство могло помочь разрешить проблему перенаселения, а также стать значительным источником государственных доходов Японии для импорта жизненно важных ресурсов. Кроме того, страна находилась на подъеме деловой активности, и рост благосостояния ощущался буквально во всех областях жизни. Вряд ли кто-нибудь испытал бы энтузиазм по поводу увеличения налогов единственно ради увеличения военно-морской мощи нашего флота. Подобные взгляды были распространены повсеместно. Господствовало мнение, что большие армия и флот лишь провоцируют большие войны. Япония наслаждалась мирными взаимоотношениями почти со всеми странами. К чему их нарушать? Таким образом, все протесты флотских военачальников заглушались громкими голосами наслаждающихся благами жизни.

Но наши высшие стратеги не сдались. Если они не могут иметь флот, превосходящий другие по численности, то это значит, что они должны иметь флот, превосходящий противников по качеству. Флот наивысшего качества. Они решили провести модернизацию всего императорского флота Японии, корабль за кораблем и моряк за моряком, до такого уровня, чтобы он стал лучшим флотом в мире! Каждый боевой корабль должен был стать эквивалентным по своей мощи двум подобным кораблям противника! Была разработана и начала осуществляться программа модернизации флота. Старые боевые корабли ставились в доки и практически полностью реконструировались. «Хиэй», «Харуна», «Киришима» и «Конго» получили такие усовершенствования, что скорость их хода стала превышать тридцать узлов, что было едва ли не вдвое больше скорости самых быстроходных американских линкоров. Особое внимание уделялось военно-морской авиации. Снова и снова отрабатывались вопросы ночного боя в полной темноте, хотя они стоили нам многих потерь, летчиками и самолетами, вследствие столкновений. Были разработаны, установлены на борту устаревшего авианосца «Хосё» и опробованы первые в мире приспособления для посадки самолетов на авианосец ночью, с использованием различных световых индикаторов и зеркал. Нечто подобное британцы разрабатывали только после начала Второй мировой войны и позволили американцам скопировать их. Короче, было осуществлено все возможное, но члены Генерального штаба военно-морского флота считали, что им необходимо еще нечто такое, что обеспечит нашему флоту гарантированное превосходство над любым противником, когда его корабли задымят у побережья нашей родины.

Наши специалисты по вооружению пришли к выводу, что ответом на этот вопрос может быть торпеда с двигателем на жидком кислороде. Над конструкцией такой торпеды они работали в ходе Первой мировой войны и в последующий период. Торпеды того периода были паровоздушными, и считалось общепризнанным, что конструкция торпед на паровоздушной смеси достигла своего совершенства. Кислородный же двигатель – это было нечто совсем иное. Флотские специалисты-оружейники знали, что торпеда, приводимая в движение двигателем на кислороде, способна иметь куда больший радиус действия и куда большую скорость, чем паровоздушная торпеда. Она также могла нести куда большую боевую часть и не оставляла демаскирующего следа на поверхности воды. Короче, она представляла собой идеальное оружие подводной войны.

Но двигатель на кислороде создавал конструкторам множество проблем. Он был чрезвычайно опасным в работе. И в Японии, и в Великобритании экспериментальные торпеды с двигателем на кислороде совершенно неожиданно взрывались, убивая торпедистов и техников. Это их обескураживающее свойство, вкупе с тем обстоятельством, что финансирование подобных экспериментов постоянно сокращалось, привело к тому, что проект создания подобной торпеды был заморожен. В течение трех лет после 1924 года ничего не делалось.

Затем в 1927 году произошло радикальное изменение ситуации. В соответствии с Вашингтонским соглашением военно-морские наблюдатели регулярно инспектировали верфи и корабли стран – участниц соглашения, наблюдая за соблюдением договоренностей. В 1927 году японский военно-морской инспектор побывал в Портсмуте, в Англии, и пришел к заключению, что англичане выполняют условия соглашения. Однако при посещении линкора «Родней» он заметил на одной из его палуб довольно странное устройство. Его опыт подсказал ему, что это генератор кислорода, но инспектор сделал вид, что не обратил на него внимания. Через пару дней он услышал, что «Родней», у которого трубы торпедных аппаратов были установлены ниже ватерлинии, как и у многих других подобных кораблей того времени, собирается выйти на испытательные торпедные стрельбы. Ему удалось оказаться на территории портсмутской военно-морской базы в день, назначенный для стрельб. То, что он там увидел, заставило его поспешить домой и составить срочный доклад в министерство военно-морского флота в Токио. «Линкор „Родней“, – сообщалось в одном из разделов этого доклада, – испытывает торпеды

с двигателем на кислороде!» Этой информации оказалось достаточно, чтобы побудить руководителей военно-морского флота Японии к немедленным действиям. Сразу же было обеспечено финансирование, и наши удивленные оружейники принялись срочно стряхивать пыль с пожелтевших чертежей и со всей возможной скоростью продолжать свои разработки.

К 1933 году эти специалисты уже довели до стадии флотских испытаний гигантскую торпеду 24 дюймов в диаметре, примерно 30 футов в длину, весящую 6000 фунтов. Она была способна нести в носовом отсеке более тысячи фунтов сильного взрывчатого вещества, что было почти вдвое больше, чем у существовавших тогда американских и английских торпед. По ходу ее разработки постоянно возникали проблемы, но все они были успешно решены. Трубопроводы окислителя, имевшие вначале довольно резкие изгибы, были перепроектированы так, чтобы на них остались лишь незначительные изгибы, поскольку оказалось, что кислород имеет тенденцию скапливаться в местах резких изгибов и начинает разогревать их. Проблема остатков масла, вызванная недостаточным вниманием при сборке механизмов торпед, была решена посредством промывки всех трубопроводов особым содовым раствором и герметической изоляции их после этого. По мнению наших специалистов, именно комбинация скапливания и перегрева и была причиной внезапных взрывов торпед. Разогретый кислород воспламенял масло, отчего, в свою очередь, детонировал сжатый кислород. По всей вероятности, они были правы. Великобритания так никогда и не смогла решить проблему самопроизвольных взрывов. Ее специалисты прекратили все экспериментальные работы с кислородными двигателями и вернулись к более медленным, но куда более устойчивым парогазовым торпедам, причем как раз в тот момент, когда японские специалисты достигли успеха. Америка же, зная о фиаско британцев, никогда не уделяла торпедам с кислородными двигателями серьезного внимания.

Торпеда модели 93 была подвергнута многочисленным испытаниям, прежде чем флотские военачальники остались довольны ею. Дюжины устаревших военных кораблей и торговых судов были пущены на дно в ходе секретных стрельб в открытом море, подальше от надоедливых глаз. В ходе этих испытаний были установлены мощь, скорость и предельная дальность торпед. Остров Осима, находящийся на юге Токийского залива, стал идеальным местом для отработки гидростатического механизма модели 93. Хотя Осима был популярным туристическим объектом – известным прежде всего действующим вулканом Михара, в кратере которого часто кончали самоубийством несчастные влюбленные пары, – одна его оконечность представляет собой пустынный отвесной склон, вертикально вздымающийся прямо из моря. Запуск торпед, произведенный из вертикальной расщелины в этом склоне, совершенно не был слышен нигде на острове. Флотские водолазы опускались после каждого выстрела под воду, чтобы удостовериться в том, что на достаточном удалении от места пуска торпеда шла на той глубине, на которую и был установлен гидростат.

Самым впечатляющим испытанием стал обстрел старых линкоров «Аки» и «Сацума», использованных в качестве целей. Точно так же, как американский летчик Билли Митчелл доказал боевую применимость самолета в войне на море, потопив в Атлантическом океане авиабомбами два крупных германских военных корабля, взятые в качестве трофея, наши тактики-торпедисты использовали два крупных корабля, чтобы произвести эффект на наших разработчиков стратегических планов. Пример Митчелла пошел на пользу Японии; моя страна всегда была в высшей степени восприимчива к новым идеям и концепциям, которые другие страны иногда не хотели видеть.

Потребовалось ровным счетом три торпеды, чтобы потопить «Аки» и «Сацуму» и продемонстрировать мощь торпед 93-й модели. Вслед за этим появился приказ, предписывавший вооружить все эсминцы и крейсера этим «Длинным копьём», которое могло нанести удар противнику на расстоянии, превышающем дистанцию огня артиллерии линкора. Максимальная дальность огня составляла 21 милю, максимальная скорость – невероятные 45 узлов. К

концу 1938 года все японские эсминцы, а также легкие и тяжелые крейсера были оснащены «Длинным копьем», чем не могла похвастаться никакая другая страна. Офицеры и унтер-офицеры торпедных команд получили строжайший приказ хранить абсолютную секретность, а кислородные генераторы, устанавливаемые на кораблях, неизменно представлялись командам кораблей и посетителям как «воздушные компрессоры специального назначения».

В ходе своего первого применения во время войны «Длинное копье» одним ударом поразило сразу четыре державы. Во время сражения за остров Ява в феврале 1942 года соединенная эскадра из американских, английских, голландских и австралийских боевых кораблей попыталась было перехватить конвой, направлявшийся на Яву, но была разгромлена. Восемь из четырнадцати вражеских кораблей пали жертвами «Длинного копья».

В сражении при острове Саво, которое мы, японцы, считаем первым сражением за восточные Соломоновы острова, соединение наших сил под командованием контр-адмирала Гунити Микавы, намного уступавшее противнику как по числу кораблей, так и по количеству орудий, захватило врасплох и потопило четыре тяжелых крейсера: американские «Квинси», «Винсеннес», «Асторию» и австралийскую «Канберру». Три из этих крейсеров были повреждены «Длинным копьем» и потеряли ход, поскольку из строя вышли их электрогенераторы, а потом были добиты на плаву артиллерийским огнем и новыми торпедами. В общей сложности торпеды модели 93 потопили или серьезно повредили около тридцати вражеских крейсеров и эсминцев за первые два года войны. На их счету также окончательная расправа с американским авианосцем «Хорнет». Они могли бы нанести врагу гораздо более существенный урон, но наш флот мало-помалу потерял много кораблей, которые несли это оружие на своем борту. Большая часть из них погибла в результате атак вражеских бомбардировщиков.

Так обстояли дела, когда Нисина и Куроки, подыскивая оружие, которое они хотели применить, обнаружили, что флот располагает почти тем, что им надо. В военно-морском арсенале Куре они обсудили этот вопрос с искусным конструктором Хироси Судзукавой, в настоящее время занимающим пост главного конструктора компании «Кэнон».⁷ Господин Судзукава, работавший тогда на военно-морской флот, просмотрел достаточно грубые эскизы, которые ему показали два изобретателя, и сразу же заинтересовался их идеей. Работая вместе каждую свободную минуту, за оставшиеся месяцы 1942 года эти три человека разработали чертежи торпеды, несущей одного человека, сконструировав ее таким образом, чтобы она могла быть быстро запущена с палубы подводной лодки, находящейся в погруженном состоянии. Их надежды устремлялись все выше и выше с каждым движением их чертежных карандашей, поскольку Япония в тот момент располагала более чем девяноста подводными лодками. Какой урон смогут причинить они врагу, имея каждая на своей палубе четыре, пять или шесть торпед «кайтэн»! Окончательный вариант, разработанный Куроки, Нисиной и Судзукавой, как и первоначальный, имел в своей основе торпеду модели 93 «Длинное копье». Проект предусматривал демонтаж боевой части, затем установку за ней отсека для водителя и, наконец, снова монтаж большой торпеды. В этом дополнительном отсеке и устанавливались перископ, сиденье водителя и приборы управления.

К январю 1943 года чертежи были готовы. Увеличенная модель 93 стала теперь гораздо толще своих 24 дюймов исходного диаметра. Она также удлинилась с 30 до 54 футов и могла теперь нести чудовищный заряд – 3000 фунтов – сильной взрывчатки в носовом отсеке, что в пять раз превышало обычный заряд вражеских торпед! Расчеты показывали, что «кайтэн» могла развивать скорость 40 узлов и двигаться в течение одного часа. Радиус ее действия можно было даже еще увеличить, пожертвовав частью заряда взрывчатки, но Куроки и Нисина даже не хотели рассматривать эту альтернативу. Они считали, что радиуса действия в 40 морских миль вполне достаточно для того рода операций, который они задумывали, учитывая то обсто-

⁷ На момент написания книги, вышедшей в 1962 г.

ятельство, что 3000-фунтовая боевая часть гарантированно могла отправить на дно морское любой военный корабль в мире. Если торпеда модели 93 смогла пробить противоминный пояс обшивки тяжелого крейсера, как это произошло два месяца тому назад в сражении при Тассаронге у Соломоновых островов, то уж новое оружие, в три раза более мощное, сделает то же самое с любым линкором или авианосцем.

Куроки и Нисина, зачарованные возможностями этого нового оружия, возлагали огромные надежды на то, что оно внесет коренные изменения в ход войны на Тихом океане. Американцы вторглись на Гуадалканал и, хотя наш флот нанес им весьма серьезный ущерб, цепко держались за него. За последние пять месяцев 1942 года Япония потеряла два линкора, много крейсеров, эсминцев и авианосец «Рюйхо» в попытках восстановить контроль над Соломоновыми островами. Сделать это, продолжая придерживаться прежней тактики, было невозможно. Производственные мощности Америки позволяли строить военные корабли куда быстрее и в большем количестве, чем это делалось в Японии, которая поэтому должна была топить вражеские корабли быстрее, чем они строились, – только так возможно было остановить неприятеля от вторжения. Особое значение приобретали авианосцы, потому что без них американцы лишились бы авиационного прикрытия для дальнейшего передвижения амфибийных сил.

Но молодые изобретатели никуда не могли пробиться со своими планами. Генеральный штаб военно-морского флота не желал даже взглянуть на чертежи и диаграммы столь фантастического оружия. Куроки и Нисина обсуждали свой план с каждым, кто только соглашался выслушать их.

– Мы не понимаем, почему наши предложения отвергаются, – жаловались они. – Они прекрасно согласуются с тем планом, по которому наш флот вел боевую подготовку более чем десять лет! Разве мы не предполагали всегда, что вражеский флот будет приближаться к Японии со стороны подмандатных нам островов? Разве мы не считали безусловным, что врагу будет необходимо захватить Маршалловы, Каролинские и острова Гилберта, чтобы создать на них свои базы? Ведь совершенно очевидно, что американский флот должен будет использовать атоллы для якорных стоянок, так как их самой западной крупной базой является Пёрл-Харбор!

Ну а если американский флот будет стоять на якорях в этих атоллах, какое оружие лучше «кайтэна» может быть применено для нападения на эти силы? Вполне достаточно будет четырех подводным лодкам, несущим по четыре «кайтэна», скрытно подобраться к вражеским кораблям на якорях, выпустить «кайтэны» и уйти незамеченными. «Кайтэны» проникнут внутрь атолла, и шестнадцать вражеских кораблей будут потоплены одним ударом. Представьте себе, мыслимо ли уклониться от торпеды, двигающейся быстрее любого корабля, да еще если ваш корабль стоит на якорной стоянке бортом к борту с другими? Наше оружие может переломить ход войны. Мы еще можем ее выиграть!

Но все было бесполезно. Высокие чиновники не давали себе труда даже выслушать подобные доводы. Поэтому Нисина и Куроки продолжали работать совместно с господином Судзукавой, шлифуя свои чертежи, внося мелкие улучшения в конструкцию оружия и рассылая одну докладную записку за другой. Наконец, придя в совершенное отчаяние, они решились на шаг, неоднократно совершаемый в истории моей страны, – они подали докладную, *написанную их собственной кровью!* Японцы, весьма романтические натуры, почитают рукопись, написанную собственной кровью автора, будь это прошение, угроза или любовная поэма, как ярчайшее свидетельство чистейшей искренности. И этот метод сработал! Восемь месяцев спустя с момента отправки ими по команде комплекта чертежей они получили задание построить прототип, но при одном условии: оружие не должно быть самоубийственным. Следовало предусмотреть способ, которым водитель торпеды, направив ее на врага, мог бы иметь шанс к спасению. В феврале 1944 года наш Генеральный штаб военно-морских сил наконец одобрил конструкцию, разработанную двумя молодыми энтузиастами. Это произошло почти двадцать

месяцев спустя после того, как они формулировали свою оригинальную идею, и спустя тринадцать месяцев после того, как запросили разрешения воплотить ее в жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.